

Анна Альшевская

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ: ГРАДАЦИЯ АНТРОПОМОРФНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ

Anna Alshevskaya

ANIMALISTIC TALES: GRADATION OF ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS

Статья посвящена рассмотрению в народных и литературных анималистических сказках градации зооморфных персонажей по степени их антропоморфизации.

The article is devoted to examination of zoomorphic characters' gradation on degree of their anthropomorphization in folk and literary animalistic fairy tales.

Сказка о животных пережила долгую эволюцию от тотемных рассказов к классической анималистической (от лат. animal – животное) сказке, где животные стали олицетворением людей разных характеров (психотипов). Степень антропоморфизированности (очеловеченности) персонажей-животных и характер проявления данного феномена в народных и литературных сказках значительно варьируются. Так, для персонажей народных анималистических сказок характерна частичная степень антропоморфности: сказки вбирают в себя не только приметы жизни людей, но и зверей (петух кукарекает, собаки гавкают и т. д.). Отметим, что степень проявления антропоморфизма в народных сказках неоднородна. По степени и характеру проявления антропоморфизма сказки можно разделить на пять групп.

Первая группа сказок – «доантропоморфные» сказки. Так, в тотемных рассказах звери хотя и говорили, но под ними не подразумевались люди. Это явление сохраняет сказка о медведе на липовой ноге. Но в анималистической сказке нашли отражение представления, связанные не только с тотемизмом, но и с солярным культом. По этой причине сказку «Курочка Ряба» также нельзя отнести к антропоморфным: по версии Т. Шамякиной, разбитое мышкой золотое яичко, согласно современному научному мифу о существовании двух солнц и гибели одного из них, символизирует погибшее солнце. Антропоморфизм не затрагивает и некоторые формульные кумулятивные сказки, не содержащие ни сюжетных, ни лексических предпосылок для зарождения в них антропоморфизма, как сказка «Репка».

Вторая группа сказок – сказки, в которых наблюдается антропоморфное мироустройство, а сам антропоморфный персонаж еще не сформирован. Так, в отдельных формульных кумулятивных сказках антропоморфизации может содействовать используемая лексика. В сказке «Теремок» антропоморфизм возникает на основе называния горшка, в котором живут звери, «теремом». Сам факт совместного проживания зверей не дает возможности охарактеризовать персонажей ни с точки зрения характера, ни относительно социального статуса (кроме медведя, воплощающего в себе «неумную силу» [1, с. 49]), но закладывает основу для формирования антропоморфного мироустройства (социоморфизма): взаимоотношений животных по модели человеческого общества. Некоторые анималистические сказки комически переосмысливают этиологию («этиология» – «наука о причине»), характерную легендам, объясняющим происхождение представителей фауны. Поэтому относительно сказок типа «Почему заяц куцый» правомерно говорить только о наличии антропоморфного мироустройства (социоморфизма), так как их жанровое своеобразие не позволяет под данными животными иметь в виду людей.

Третья группа сказок – классические анималистические сказки, в которых антропоморфное мироустройство является уже результатом наличия в сказках антропоморфного персонажа – носителя определенного человеческого психотипа. Сказки, где под животными начали подразумеваться люди, «судят о животных противоположно тому, как о них говорится в мифических поверьях и быличках» [1, с. 49]. По мнению исследователя А. Анисимова, именно распад материнского рода стал причиной высмеивания в сказках животных, которые до этого были предметом почитания. А по версии Т. Шамякиной, характеры зверей в сказках – это характеры племен, в которых данные звери являлись тотемами. Волк – зверь умный, но племя, где он был тотемом, было обдурено племенем, где тотем – лиса. В результате животные стали воплощением определенных человеческих качеств: лиса – хитрости, волк – жестокости, кот – мудрости и красноречия, заяц – трусости. Сопоставление сказок показало, что одни животные получают одинаковые характеристики у разных народов, например, волк, лиса, а другие отличаются, что, видимо, связано с различным отношением их к определенным животным. Так, в русских народных сказках «заяц» – характеристика трусливого человека, в сказке братьев Grimm «Заяц и ёж» ключевая характеристика зайца – быстрота, а в американском животном эпосе братец-кролик – трикстер.

Четвертая группа сказок – сказки, изображающие антропоморфных персонажей как представителей определенных социальных слоев населения. Так, в некоторых сказках на «патриархальный звериный коллектив накладываются уже более поздние представления – раннегосударственные: у зверей появляется свой царь» [2, с. 83]. Например, в сказке «Грибы» показано социальное расслоение общества: белянки – «грибовые дворянки», рыжики – «богатые мужики». В сказке «Кот и лиса» кот представляется воеводой, что заставляет более сильных зверей (медведя, волка) бояться его. В сказке «Мужик и медведь» образ медведя апеллирует к образу богатого помещика, живущего за счет других, не знающего, что и как растет. В американских негритянских сказках отношения между братцем лисом и братцем кроликом – это отношения между господином и хитрым рабом. В немецкой сказке «Бременские уличные музыканты» социальный статус зверей указан в самом названии.

Пятая группа сказок – сказки, подвергшиеся литературной обработке, по степени антропоморфности занимающие промежуточное звено между народными и литературными сказками. В данных сказках больше деталей, подчеркивающих человеческие бытовые условия жизни зверей. Это видно при сравнении народной русской сказки «Волк и семеро козлят» и одноименной сказки в обработке братьев Grimm. Еще В. Пропп отмечал, что «западная сказка о животных в большей степени антропоморфизирована» [3, с. 342], чем русские народные сказки.

Средняя степень антропоморфности характерна для большинства литературных сказок, где степень социоморфизации в отдельных сказках достигает максимума. Так, некоторые сказки, если опустить тот факт, что в них действуют животные, можно воспринимать как рассказы о людях. Например, в стихотворной сказке Р. Кудашевой «Беда петушка» нет характеристик героев, указывающих на их зооморфность, кроме названий-имен (Петушок, Синица). Отметим, что антропоморфность персонажа-животного по своей сути и наличие антропоморфного мироустройства вызывает частичную антропоморфизацию зооморфного облика в представлении у читателя, причем не в результате описания внешности, а, наоборот, отсутствия такового. Например, прямохождение, восприятие передних лап по аналогии с человеческими руками и т.п.

В авторских анималистических сказках многие звери имеют человеческие имена. Так, имя главного героя сказки шведского писателя Я. Экхольма «Тутта Карлссон Первая и Единственная, Людвиг Четырнадцатый и другие» Людвиг Четырнадцатый даже не

ассоциируется с именем животного, как это бывает в народных сказках, где кота зовут «Котофей Иванович» (от слова «кот»). В других сказках названия животных пишутся, как имена собственные, с большой буквы (Волк, Заяц).

Если в народной сказке представление антропоморфных персонажей как социальных типов находится еще в зачатке, то многие литературные анималистические сказки уже отражают государственный строй целой страны. Так, в сказке итальянского писателя Дж. Родари «Приключения Чиполлино» представлено феодальное общество.

Для народных анималистических сказок свойственна частичная антропоморфность персонажей, степень проявления которой является неоднородной. В результате данные сказки можно разделить на пять групп: «доантропоморфные» сказки («Медведь на липовой ноге»); сказки, в которых наблюдается антропоморфизм на уровне мироустройства (некоторые кумулятивные сказки и сказки этиологического характера); сказки, для которых характерно наличие антропоморфного персонажа; сказки, изображающие антропоморфных персонажей как представителей определенных социальных типов («Кот на воеводстве»); фольклорные сказки, подвергшиеся литературной обработке. Средняя степень антропоморфности наблюдается в большинстве литературных сказках. Полная степень антропоморфности животных не характерна для анималистических сказок, в которых нет места таким внешним метаморфозам персонажей, как, например, в волшебной сказке. Так, в пьесе Е. Шварца «Обыкновенное чудо» и в романе-памфлете А. Франса «Остров пингвинов» антропоморфный внешний облик – результат магического воздействия на персонажей.

Список литературы:

1. Аникин, В. Русская сказка: пособие для учителей / В. Аникин. – М. : Просвещение, 1977. – 208 с.; ил.
2. Костюхин, А. Типы и формы животного эпоса / А. Костюхин. – М. : Наука, 1987. – 271 с.
3. Пропп, В. Русская сказка / В. Пропп. – М. : Лабиринт, 2011. – 384 с.

Вольга Кулікова

АКТУАЛЬНАСЦЬ НАРОДНЫХ ГУМАНИСТЫЧНЫХ ТЭНДЭНЦЫЙ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ

Volha Kulikova

TOPICAL FOLK HUMANISTIC TENDENT BELARUSIAN CULTURE

У артыкуле разглядаюцца гуманістычныя асновы беларускай культуры, яе народны характар, значэнне для развіцця сучаснага грамадства ў рэчышчы гуманізму і агульначалавечых каштоўнасцей.

The humanistic foundations of the Belarusian culture, its national character, importance for the progress of modern culture in the spirit of humanism and universal human values.

Тэма гуманізму заўжды актуальная, адносіцца да адвечных, звязаных непарыўна з самім чалавекам у разнастайнасці яго адносін і адаптацыі да свету. Гэта – дынамічныя адносіны, якія робяць тэму гуманізму не проста важнай, але перманентна зладзённай, актуальнай у грамадскай свядомасці і культура-творчай практыцы. Згодна гуманізму – чалавек ёсць вышэйшая каштоўнасць, мэта грамадскага развіцця. Гуманізм асуджае гвалт над асобай, прызнае права чалавека на свабоду, шчасце, развіццё яго фізічнай моцы, здольнасцей і талентаў, прапагандуе ідэі сацыяльнай справядлівасці і роўнасці, інтэрнацыяналізм, самаўдасканаленне і ўзвышэнне чалавека, гарманічныя адносіны паміж усімі прадстаўнікамі грамадства.

Асноўная праблема гуманізму – праблема наяўнасці ці адсутнасці ў жыцці ідэальна-натхняючых асноў, прынцыпаў і норм. А калі культура ў цэлым ёсць спосаб быцця пэўнай супольнасці і чалавека ў свеце (у досыць розных яго частках), то спосабы, формы існавання бываюць досыць рознымі. Яны могуць будавацца на відавочнай бязлітаснасці праяўлення прынцыпа панавання і падпарадкавання, выказваючы сваю непрыхільнасць гуманістычным крытэрыям, а могуць быць пранізаны тэндэнцыяй да гуманізацыі, адухатварэнню ўмоў і форм існавання і адносін паміж людзьмі. Апошняя ўзнікае ў рэчышчы тэндэнцыі і патрэбы гуманізацыі чалавечых адносін, а таксама грамадства ўвогуле як універсальная форма рэгулявання і ўпарадкавання жыцця, аб'яднання супольнасці носьбітаў культуры праз маральнасць, духоўнасць. Такім чынам, праблема гуманізму – складанае спалучэнне супярэчлівых тэндэнцый, складанае і хісткае адзінства паміж дэструктыўнымі з'явамі ў асобе і пераадоленнем іх, стабілізацыяй рознаакіраваных чалавечых праяўленняў, галоўным чынам праз культуру і асабліва мастацтва, у тым ліку мастацтва вуснай традыцыі (фальклор).

Беларуская культура, літаратура і мастацтва ў цэлым – з момантаў свайго ўзнікнення ў пранятых гуманізмам часы Рэнесансу і Рэфармацыі XIV–XV стст. і да цяперашняга часу, прайшоўшы праз розныя этапы свайго развіцця, складанасці і цяжкасці – не толькі захавалі высокую духоўнасць і гуманізм, але і памножылі іх. Фіксацыя беларускай культуры ў XIX – пачатку XX ст. (ў яе класічны перыяд накондні інсцітуалізацыі дзяржавы з беларускім этнонімам), сведчыць апошняе сцвярджэнне як «бясспрэчны навуковы факт». Аналітыкі айчыннай культуры і мастацтва мяжы XIX–XX ст. назапасілі багаты фактычны матэрыял, які дазваляе сцвярджаць, што менавіта тэма асаблівасці беларускай культуры і мастацтва, якія знітаняцца з народнай культурай, фальклорам, і абумоўліваюць іх гуманістычны характар.

Адзначым, што даследчыкі аднагалосна сцвярджаюць, што «фальклор – праграма аснова ўсей гуманістычна зарыентаванай сусветнай мастацкай культуры, крыніца асобных нацыянальных мастацкіх традыцый, уасабленне самасвядомасці народаў» [1, с. 11–12]. А беларускі фальклор – асноўная крыніца беларускай культуры. Ён дэмакратычны, з'яўляецца выразнікам глыбіннага светапогляду народа (ідэі людскасці, дабыні, чалавекалюбства, блізкасці да зямлі і прыроды). Выгокі фальклору шукаюць пераважна ў першабытным дахрысціянскім грамадстве, «грамадзе» – ў «свой даўніне», акцэнтуюць увагу на яго архаічных, язычніцкіх, дагістарычных рысах.

Беларускі фальклор XIX ст. – яшчэ сінтэз хрысціянскай духоўнасці і старадаўняй міфалогіі. Абумоўлена гэта тым, што з прыняццем хрысціянства этнічная рэлігійная традыцыя не перапынялася, але працягвала сваё існаванне ў выглядзе г. зв. народнай рэлігіі, вызначальнай рысай якой ёсць суіснаванне «высокай» рэлігіі (хрысціянства), звязанай з пануючымі класамі і клірам, ды рэлігійных уяўленняў «простага люду», для якога «высокая» рэлігія «актуальная адно фактам свайго існавання, і які ў паўсядзённых патрэбах кіруецца не святым пісаннем, а традыцыяй, звычайам, дзядоўскай верай» [2]

Можна адзначыць і другі складнік народнай культуры, калі беларусы, надзяляючы прыроду душой і верачы ў яе магутнасць, не выракаліся хрышчэння. Прычыны гэтай «мірнай канвергенцыі», трываласці і жыццёвасці язычніцкіх традыцый у Беларусі ў тым, што далучэнне народа да новай рэлігіі адбывалася с асаблівасцямі: пераважна мірным шляхам і расцягнулася ў часе, бадай што, на два стагоддзі. І трэба ўлічваць, што да XIX ст. беларускае сялянства існавала ў патрыярхальных умовах натуральнай гаспадаркі, аддаленнае ад культурнага ўплыву, бадай у поўнай недатыкальнасці захавала сваю мову, звычай, фальклор і інш. Як вынік – росквіт беларускага сялянскага фальклору, як аднаго з самых багатых, што ўжо ў XIX і асабліва ў XX стст. стала фундаментам адраджэння беларускай